

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтницкой.

В поисках темы

О чем писать? О битве при Калке или о завоевателях Арктики? Об Александре Невском или о пограничном отряде?

У многих писателей это — насущные вопросы, зачастую мучительные, если писатель теряет ориентацию в работе и не знает, как лучше применить свои силы в общем социалистическом труде народа.

Речь идет о наилучшем, наиболее высоком, наиболее действенном применении сил — об «каждом по его способностям».

Известный разрыв в творческих делах имеет свои причины, которые достаточно известны в связи с критикой работы руководства Союза писателей.

Но союз писателей не может, а следовательно, и не должен прямо и практически руководить работой литераторов, т. е. давать темы, задания, заказы, командировки. Можно в иных случаях силами Союза выпустить интересный сборник или взять в свои руки какое-нибудь новое направление, как это умел делать Алексей Максимович, но это будет только хорошим дополнением к основной деятельности Союза писателей.

Основной деятельностью ССП мы считаем идею руководства литературой. Это отнюдь не означает, что, вознесшись на философские высоты, союз должен отвечать от бумажных, рабочих вопросов писателей. Мы понимаем идею руководства по-большевистски. Мы — современники высокого сталинского руководства, и нам не нужно изобретать что-нибудь совершенно оригинальное.

Не стоит лишний раз доказывать, что тем историческое значение чрезвычайно важно. Прекрасно, что навсегда покончено с вредной, имевшей когда-то хождение вчерашней демократии о том, что, мол, тем, кто относится к периоду позднему второй пятилетки, есть уже прямой выход от действительности, «бегство в социальность», в бездейственность и т. д. и т. д. Вся эта болтовня положила конец указанию, сделанные партией. Мы имеем прекрасные произведения, доказывающие победу ряда якобы «неактуальных» тем. Такие вещи, как «Петр I» А. Н. Толстого, «Отепан Раин» Чапыгина, «Одета камнем» Фортиса, «Смерть Вагнера-Мухомора», «Лушкин» Тынянова, и многие другие произведения надежно вошли в литературу.

Своевременно привлечь внимание лишь на то, чтобы пропорция между современной тематикой и тематикой исторической была нормальной. Мы являемся участниками и свидетелями огромнейших событий, которые свободно можно было бы разложить на несколько столетий. Мы сталкивались с людьми чрезвычайного, неповторяемого своеобразия. Большое счастье выпало на нашу долю: мы являемся современниками величайших борцов за освобождение человечества — Ленина и Сталина. Тем более странно, что страны наших книг в такой слабой степени отражают то великое, что вокруг нас происходит.

Если гражданская война и ее герои наши талантливые отражены в нашей художественной литературе, то весь период напряженной борьбы с притягиваемой внутри страны капиталистической агентурой не находит до сего дня достаточной яркой и правдивой отраженности. Образ скромной партийной работницы Николаевки, сумевшей во времена угадать и победить ловко замаскировавшихся и сильных врагов; образ коммуниста, инженера Зильберштейна, которая, преодолевая грязную клевету, травлю и издевательства, самоотверженно боролась с начальником строительства, вредителем Ронтом; образ профессора Сперанского, пытавшегося прорваться сквозь кольцо врагов-убийц к постели умирающего Горького, — вот малые и великие герои — замечательный «материал» для каждого серьезного художника нашей страны.

Литература — не регистраторский бланк. Проникнуто, умно, во-время раскрыть лицо всего враждебного, противостоящего победному шествию коммунизма, — большая и почетная задача, стоящая перед советским писателем.

Уместно напомнить при этом, что «руководители» типа Кирилова с полдюжины демократической «снатьи» тему бдительности.

Советская тематика была работна по «разделам» — «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Транспорт», и если писатель вдумывал морские рассказы, то считалось, что он будет обслуживать водный транспорт, в под эти разделы можно поставить отметку — «обслужено».

Как могло произойти, что театр к 20-й годовщине Октябрьской революции не дал народу ни одной пьесы о современных героях, о нашем славном настоящем?

Это не трудно понять, если Кирилов выдавался драматургом и театру за «ведущего» писателя, а «Чудесный сплав» и «Большой день» — за самые необходимые и важнейшие современные произведения.

Тема борьбы со всем старым, рабским, вражеским, буржуазным и политическим и психологически — не находила себе полного права гражданства, не было отстоявлено в ведомственной «графике» бюрократического руководства. А сколько замечательных тем буквально опорожнено поверхностью, якобы «актуальной», а на самом деле глубоко старомодной трактовкой! И вопрос здесь не только в том, что современная тематика отводилась чрезвычайно мало места; дело не только в «количественной» стороне дела, но и в «качественной». Как часто случалось, когда под флагом «современного» протаскивались всякого сорта пошлыватые изделия.

Когда-то в одном юмористическом рассказе высмеивалась кладовая, где хранились традиционный литературный типаж. Там лежали и замерзавший в ночь под рождество мальчик, и господин в лиловой шубе, спавший его, и расквашенная «падшая женщина», и «расеянный профессор», и студент с «запросами», и стреляющийся гимназист, и многие другие литературные мумии. Нередко эти мумии обретают вторую жизнь на страницах некоторых советских, якобы «современных» произведений. Едва стряхнув завесу, «замороженный мальчик» выступает в качестве беспризорного, а шумные, распяленные «изобретения» и «физикультурные» в ролях комсомолок и физкультурниц. В большинстве комсомолок слышно переделанное студентом в комсомолок, а крестьяне и рабочие трактуются с тайной авторской синхронностью к этому якобы незаметному персонажу.

Нередко все это делается с известной литературной сноровкой. Но как бы ловко полагаясь на фальсификацию ни производилась, советский читатель неизбежно ощущает одно — что все это ни к чему самому, ни к тому, что он знает в окружающей жизни, не имеет ровно никакого отношения.

Следовательно, говоря о современной тематике, нужно заранее и со всей остротой поставить вопрос не только о формальном повороте к острому, актуальным темам, но и о внутреннем их освещении, о глубоко, правдивом художественном раскрытии этих актуальных, животрепещущих тем.

Не надо забывать, что часто внешняя актуальность произведения шла за счет подлинной глубины и художественности.

О девушках? Пожалуй! И Мыкитенко скоропалительно подносит артефакт бездарнейших «Девушек нашей страны». О крестьянстве? Пожалуй! Кирилов ловко стряплет неудобоверимый «Хлеб». Об обороне? Отлично! Кирилов преподносит клеветнический, пошлый «Большой день».

Надо снова и по-новому вникать за все подлинно актуальные темы нашего действительного большого дня. Но для этого мало одних деклараций. Нужно, чтобы критика во-время заметила и подержала тот отряд советских литераторов, который берется за разрешение острого, актуальнейшего тем нашей жизни. Нужно, чтобы критика, не боясь демократических завываний отдельных вульгаризаторов, поднимала произведения, в которых автор пытается показать нашу советскую жизнь во всей ее сложности, строительстве социализма со всеми его победою и трудностями.

Глубоко законно требование, чтобы окружающая нас жизнь, участники и герои этой жизни были бы полно и ярко отражены советской литературой.

Этого требует наше настоящее сегодня и потому к советским писателям командиров и слушателей Военно-инженерной академии им. Куйбышева.

Всегда, это требование совпадает с насущными творческими интересами основной части наших писателей и с самыми насущными потребностями советских читателей.

Всемерно облегчить создание подлинно «современных» произведений — важнейшая задача нашей критики. Писать о том, что непосредственно волнует людей советской земли, — почетная задача советских литераторов.

Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!

ПИСЬМО К СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Среди разгорающегося пожара мировой войны Советский Союз стоит, как могучая крепость мира, своей твердой и последовательной политикой расстранивая козни зачинщиков войны.

Пример нашей великой страны вдохновляет миллионы трудящихся и угнетенных во всем мире. Наши победы открывают все лучшее, что есть в человечестве. Но развитие страны социализма вызывает бешеную ненависть всех мрачных, черных сил отживающего мира. «Враг, враг!» кричат на радость, жадный зор слепит врагам.

Помните, всегда помнить о капиталистическом окружении, о «жадном взоре врага», о его хитрых возжеланиях учат нас товарищ Сталин. «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичуть нас врасплох...» — говорит вождь народов.

Кому, как не вам, товарищи советские литераторы, обладающим острым оружием художественного слова, осуществлять это мудрое указание вождя. Кому, как не вам, инженеры человеческого духа, вооруженные правдой большевизма, «понимать, вести и влечь» миллионы, поднимать в народе благородное чувство советского патриотизма, чувство бдительности, настойчивости перед лицом капиталистического окружения, чувство решительности, смелости и готовности к последней, решительной схватке!

Мы знаем, что вы сами это прекрасно понимаете, и ваши сердца переполнены чувствами большой любви к родине, к народу. Вероятно не раз и не два многие из вас у себя в своей среде призывают к бдительности и волею искренне кланяются взять оружие по первому зову партии и правительства... Но мы, читатели, спрашиваем, как вы используете свое оружие художника сейчас, как вы в своей практической писательской деятельности помо-

гасте укрепление мобилизационной готовности народа?

Нам кажется, что еще далеко не достаточно советские писатели справляются с этой ответственной задачей. Правда, за последнее время советская литература обогатилась такими произведениями, как «Хлеб» Толстого, «Я, сын трудового народа» Катаева, «Кочубей» Первенцева. Эти книги зажигают глубокое чувство любви к своей родине, заставляют ценить и беречь нашу счастливую жизнь, добытую дорогой ценой братской крови лучших сынов родины. Это хорошо! Такие книги необходимы. Их еще, к сожалению, очень мало. Но разве мало романтики, мало героического, самоотверженного в так называемых красноармейских бунтах, скромных в виду, но полных напряженнейшей борьбы за дальнейшее боевое совершенствование! Разве не вдохновляют нас сегоднешняя Красная Армия и Красный Флот, которые, готовясь к крупным боям, являются прекрасной школой большевистского воспитания, воспитания нового человека!

Уже более 15 лет живет, совершенствуется и крепнет наша Красная Армия в мирной обстановке, и этот замечательный период почти совершенно не нашел отражения в советской литературе. Мы не можем назвать ни одного сильного, большого или малого произведения, достойно отражающего эту тему.

Мы должны, к сожалению, отметить схематизм, трафарет у некоторых авторов в изображении людей Красной Армии. Черты некоторой рафинированности лежат на многих героях очерков о командирах и красноармейцах. Чрезмерным, фальшивым оптимизмом с обязательной примесью лезвеного юмора и балагурства (и это у некоторых критиков называется «любовно отразить!») про-

никнуты немногочисленные произведения о Красной Армии, о флоте, о пограничниках. Этих недостатков не лишены также произведения, как «Бойцы» Ромашова, очерки Дикковского в «Новом Востоке». Не лишено этих недостатков и «На Востоке» Павленко, причем в этой книге вам кажется лживыми тот фальшивый ура-патриотизм и ура-настроения, которые получились у автора при изображении чувства советского народа в наступившей войне. Не это надо показывать нашему народу. Не усыплять, а держать народ все время в боевой готовности — вот, что нам нужно!

Товарищи писатели, поэты, драматурги! Покажите нашу жизнь, как она есть! Наша большевистская действительность не требует прикрас. Наши Красная Армия и Флот, командиры, краснофлотцы, красноармейцы, их жизнь, учеба сами по себе прекрасны и героичны. Покажите эту жизнь просто, но в то же время сильно, ярко. Ждут своих писателей, поэтов, ждут своих Шолоховых, Толстых, наших летчиков, танкистов, артиллеристов, конники, пехотинцы!

Полыща фашистских писак ведут бешеную «моральную» подготовку грядущей войны. Они отравляют сознание масс ядовитыми волнами пошлячества, расизма, национализма, человеконенавистничества. Тем громче должен звучать голос советского писателя в защиту мира, в защиту идей братства народов, на борьбу с фашизмом, на борьбу с разрастающейся военной опасностью.

Мы хотим читать правдивые книги, полные благородного гнева к ипшникам фашизма, полные художественной силы, об освободительной борьбе испанского, китайского, абиссинского народов против фашистской интервенции.

Бульварным книгам, восхваляющим романтику шпионажа и контрразведки, книгам о «героях» и других «героях» капиталистических разведок должны быть противопоставлены высокохудожественные и глубокие содержательные произведения о коварных методах работы фашистских разведок, их троцкистско-буржуазных агентов в нашей славной советской разведке, о любимом советского народа, сталинском наркومه — Николае Ивановиче Ежове. Советский писатель должен помочь нашему народу распознать все полные повадки врагов, чтобы тем вернее битв его напавал.

Товарищи писатели, поэты, драматурги! Мы ждем не слов клятвы и громких обязательств. Поставленный нами вопрос не разрешить на «сочеренных заседаниях» Союза советских писателей, не разрешить его в специальной кампании, созданием бригад, торжественным зачислением себя в ряд «оборонных» писателей.

Мы не хотим, чтобы наше письмо вышло потоком липких резолюций и присоединений к нашим требованиям. Мы ждем дела — романов, повестей, рассказов, повестей, очерков, пьес. Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопят время! Вы чувствуете, как все гуще и гуще нависают над нашим миром небеснолом тучи войны, войны, «которой еще не знала история». Пронюмайте, почувствуйте это — и пишете!

Командиры, слушатели Военно-инженерной академии им. Куйбышева:
Комбриг ГУНДОРОВ, бригадный комиссар СКОРОХОДОВ, комбриг СМИРНОВ, полковой комиссар БОГДАНОВ; батальонные комиссары: БАРАНОВ, ПРОНЬКОВ; полковники: СЕГДИН, ГУРОВ; военинженеры II ранга: ЧЕСНИК, ЛУЧИН; слушатели: АРТЕМЬЕВ, ВАЙСБЕРГ, УМАНСКИЙ, ДОВОЛБЕВСКИЙ, АВЛЮВ, ВИНЮГОРСКИЙ, ЧУГУНОВ и другие.

БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ

«Петр I» в Ленинградском театре им. А. С. Пушкина

ЛЕНИНГРАД, 4 апреля. (По телефону). Сегодня в Государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина состоялась генеральная репетиция пьесы А. Н. Толстого «Петр I». Это большое событие в ленинградской театральной жизни. Пьеса А. Н. Толстого в новой редакции — превосходное драматургическое произведение, радующее яркостью образов и сценических положений. В новой редакции более выпукло показано историческое значение реформаторской деятельности Петра и борьба его с боярской реакцией.

Интересный образ Петра создает заслуженный артист республики орденосице И. К. Черкасский. Поразяет творческий диапазон этого талантливого актера. Играя Петра в пьесе А. Н. Толстого, он одновременно снимается в роли золотого, истерического изменника Алексея во второй серии фильма «Петр I». В театре им. Пушкина отлично играет Алексей молодой актер А. Ян. Спектакль поставлен заслуженным деятелем искусства Б. М. Сухвиевичем. Художник — В. Димитрий.

Эти строки передаются из театра им. Пушкина. Идет последняя картина пьесы. На празднике в честь победителя шведской эскадры Петр произносит речь: «... Моем и вашими трудами увенчали мы наше отечество славою, и корабли русские плывут уже во все гавани Европы. Не напрасны были наши труды. И поколениям нашим надлежит славу и богатство отечества беречь и множить!»

Премьера пьесы А. Н. Толстого «Петр I» в театре им. Пушкина состоится 10 апреля.

Б. РЕСТ

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ ДЖАМБУЛА

Из Фрунзе в Алма-Ату, в связи с предстоящим юбилеем Джамбула, выехала специальная делегация в составе известных киргизских акынов Алмыкула и Калыка, поэта Кубанчыбека, депутата Верховного Совета СССР заслуженного деятеля искусств Абдыла Мадыбаева и др. Делегация везет в подарок старейшему акыну Казахстана комуз (музыкальный инструмент) и киргизский национальный костюм.

На киргизском языке изданы десятки произведений Джамбула. Недавно вышли из печати три его песни: «О Сталине», «Клим батыр», «Песня о батыре Ежове».

Союз писателей Киргизии выпускает сборник стихов Джамбула.

«СУЛЕЛИ»

В Тбилиском государственном ордене Ленина театре им. Руставели состоялась премьера пьесы И. Шинуашвили «Сулели» («Дружок»).

И. Шинуашвили написал эту пьесу в 1908 г., но царская цензура запретила ставить ее, «Сулели» впервые появился на сцене лишь в 1918 г. в г. Кутаиси.

В театре им. Руставели эту пьесу поставил заслуженный деятель искусств К. Партидзе. Автор внес значительные изменения в пьесу. Она изображает революционную подпольную работу большевиков в 1908—1910 гг.

СБОРНИК СОВЕТСКИХ БЫЛИН

Фольклорная группа кафедры литературы Ростовского и Донецкого государственного педагогического и учительского института готовит к печати первый научный сборник советских былин. Заключит сравнительный анализ советского былинного эпоса с дореволюционным, составляются комментарии текстов современных былин. В сборник включены былины о Ленине, Сталине, Дарьинском, Чапаеве, о папанинцах. Всего в сборнике будет опубликовано 15 текстов.

ЗА РУБЕЖОМ

«ОБ'ЯВИМ МИРУ МИР»

ОБРАЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Перед лицом угрозы, нависшей над нашей страной и над будущим французской культуры, мы, нижеподписавшиеся писатели, сожалеем, что единение французского еще не является совершившимся фактом. Мы решили заставить умолкнуть всякий дух раздора и дать нашим пример братского единения.

Араго, Жорж Берноне, Андре Шамсон, Клодт, Люсьен Денав, член Академии Гонкуров, Луи Жийе, член Французской Академии, Жан Гезно, Андре Мальро, Жак Маритен, Франсуа Мориак, член Французской Академии, Анри де-Монтерпан, Жиль Ромэн, Жан Шлюмбергер.

Призыв Ромэн Роллана

Тринадцать писателей, принадлежащих к различным партиям, бросая благородный вызов единению французской интеллигенции. Я присоединяю к ним свой голос.

О, мои коллеги французы — писатели, художники, деятели науки, — позвольте одному из вашей среды, старшему голему, в этот серьезный для Франции час высказать свои и ваши сокровенные мысли!

Все мы работаем в меру наших сил, наша страна иррае гордится великим трудом и талантом своих сыновей. Постоянно, непрерывно мы продолжаем дело славных тружеников разума, которые в течение веков служили и приносили миру французскому обществу. И в то же время, верные традиции, мы слишком часто бывали привержены старым спорам и распрям.

В спокойные времена широкое развитие дискуссии бывает полезно; оно расширяет поле исследования науки и искусства, оно вызывает множество опытов и открытий, порой противоречивых, но часто дополняющих друг друга.

Но в часы, когда общее благополучие находится под угрозой, нужно, чтобы умолкли все споры, чтобы сразу стерлись различия, и разо все лагерей ладия протянулись бы друг другу навстречу руки. Пусть будет закрепен союз!

Никогда этот союз не вылезался такой настоятельной необходимостью, как в наше время, когда решается участь не одной нации, а всех священных завоеваний цивилизации, когда под угрозой все самые драгоценные блага мировой культуры последних веков, ее героические стремления к прогрессу, ее достоинство, ее свобода.

Случилось то, что 30 лет назад никто из нас не предвидел бы: западная цивилизация выдвигает, как из ее лоно выхолит варвары; она выдвигает, как против нее восстают дикари, вроде того вожака банды, который прыгнул в лицо умирающему Уамуно: «Смерть интеллигенции!»

...Носители «Корана войны» двинули на

мир слепые и всепожирающие орды, пути свои черные самолеты.

Варвары двинулись за пределы своих границ; они уже поглотили старую Австрию, захватили часть Испании, сгрудились у ворот Чехословакии и бросают свой угрожающий вызов всей мировой демократии. Они сжимают Францию с Северного моря и с Средиземного, с Вогеа в Альпах и с Пиренеев. На Францию возложена великая честь стать последним оплотом свободы на континенте — свободы во всех ее жизненных формах: свободы политической и социальной, свободы интеллектуальной, даже свободы религии, потому что в этот момент натиск варваров угрожает смести в беспорядке, вместе с свободным разумом и идеалом социальной справедливости, взаимное уважение, равенство людей и рас.

Весь старый и весь новый мир видит, как на них приступом идет дикое варварство. И когда думаешь о величайших моральных и материальных силах цивилизованного мира, испытываешь чувство стыда за его бессилие. Его слабость показывает его разобщенность. Его разобщенность делает дерзким и сильным противника. Будь этот мир единым, нашествие варваров было бы разбито, как некогда арабы у Паутыне *.

Объединяйтесь! Мои товарищи, работники умственного труда, подадим пример, осуществим единение, прекратим все наши разногласия. Все мы хотим плодотворного мира, мира во всем мире... Но в наше время, как впрочем и во все времена, мир дается только тем, у кого есть храбрость стремиться к нему и защищать его. Наш старый Гюго как-то сказал: «Объявим миру мир!» Мы можем это сделать, только будучи объединенными и сильными.

Ромэн РОЛЛАН

* В 732 г. н. э. полководец Карл Мартелл одержал у Пуатье историческую победу над арабами, прогнавшими поглотить всю тогдашнюю Европу.

СТАЧКА КАПИТАЛА В ХОЛЛИВУДЕ

Письмо из США

Фирма Метро-Голдвин получила в 1937 году миллионы долларов дохода, и перспективы на 1938 год пока столь же блестящие. Тем не менее за последние недели эта фирма увидела больше 1200 работников всех специальностей, в то же время увеличив план выпуска фильмов на 4 и свой бюджет — на 3 миллиона долларов. Братья Уорнер объявили, что за первые 7 недель 1938 г. доход от проката фильмов увеличился на 23 процента по сравнению с прошлыми годами. И все остальные фирмы сообщают о повышении доходов.

Может показаться странным, почему при столь блестящих успехах и столь радужных перспективах кинопромышленности все же предпринимают поход против тех, кто создает фильмы, приносящие им такое благополучие. Все дело в том, что устойчивость процветания кинофильма весьма сомнительна, и отголоски всеамериканского кризиса безусловно дадут себя знать и в Голливуде. В объединении работников кинематографии предприниматели видят реальную угрозу, ибо в случае неминуемого ухудшения конъюнктуры им труднее будет звалить тяже-

свой планы? Это совсем другой вопрос. Работники кинопромышленности уже кое-чему научились: они осознавали силу организации. То, чего не могли представить себе директора-объединение таких различных работников, как режиссеры и технические служащие, — стало реальностью. Сейчас представители всех союзов киноработников — сценаристы, режиссеры, актеры, агенты прессы, художники, гримеры — сидят за длинными столами и обсуждают план совместных действий.

«Даже тот, кого увольняют, — пишет газета «Холливуд репортер», — должен согласиться с тем, что эта мера (массовые увольнения) крайне целесообразна».

Эта фраза несомненно сохранится для потомства в рубрике «замечательных последних слов». И работники Голливуда считают свое увольнение таким же «целесообразным», как, скажем, китайский народ «благодаря» японцам за их щедрые подарки — бомбы.

Седрик Бельфрейд

Холливуд, Март 1938 г.

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

После продолжительной и тяжелой болезни скончался Пантелеймон Сергеевич Романов. Родился он в 1884 г. в г. Петровском, б. Тульской губернии. Учился в Московском университете. Его первый рассказ «Отца Федора» был напечатан в 1911 году в журнале «Русская мысль». По настоянию же, как художник, выдающийся сатирик и юморист, Пантелеймон Романов развернулся только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В ряде рассказов и романе «Собственность» он разоблачал мелкобуржуазнические инстинкты обывателя. В сборниках рассказов «Дружный народ», «Хорошие места» и др. показывал он старую и новую деревню, осмеивая и борясь против пережитков капитализма в быту и сознании людей.

Основным произведением П. С. Романова является роман «Русь», в котором он описывал предреволюционную эпоху и годы мировой империалистической войны. В романе «Русь» представлена огромная галерея типов и характеров.

П. С. Романов страстно ненавидел мещанство, обывательщину, рутину. Он был острым словом, разящим оружием смеха

бюрократов, подхалимов, битевал и отменял все то, что мешает нашему движению вперед.

Юмористические рассказы Пантелеймона Романова прочно вошли в концертный репертуар страны.

П. С. был прекрасным общественником, чутким и отзывчивым товарищем. Он часто выступал с чтением своих рассказов на заводах, в клубах и колхозах, тепло встречаемый слушателями.

Выбыл из строя вдумчивый художник, человек большой энергии и жизнереальности, могущий дать советскому читателю ряд значительных произведений.

Он намечал планов показав новых положительных героев нашей эпохи, воспитанной партией Ленина — Сталина, рассчитывая ввязаться за их осуществление, как только встанет.

Советская художественная литература понесла тяжелую утрату. Умер талантливый писатель, жизнь которого представляла путь сложной эволюции от интеллигентно-дореволюционной формации к советскому интеллигенту.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Союз советских писателей СССР с прискорбием извещает о смерти писателя ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА, последовавшей после длительной и тяжелой болезни 8/IV 1938 г., и выражает глубокое соболезнование семье покойного.

Доступ к телу с 16 ч. 9/IV 1938 г. в Конференц-зале Союза писателей (ул. Воровского, 52).

Гражданская панихида в 15 ч. 10/IV 1938 г. Кремля в тот же день в 17 ч. 30 м.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С. ГЕХТ

С. ДУРЫЛИН

А. АДАЛИС

Встреча с Маяковским

А. Н. Островский

Начало счастья

К 115-летию со дня рождения

I

Канал Волга—Москва открыт. За кормой теплохода варягская пена, горбатится серо-голубое зеркало новой, молодой реки Частые, пронзительные гудки. Пассажиры выбегают на палубу и салонов на палубу посмотреть на встречные корабли. У выхода в широкий волжский разлив опять забасил гудок. Это впереди показались большой караван, груженный камнем, торфом и лесом. Караван ведет узкий буксирный пароход «Владимир Маяковский».

II

Мы часто говорим о социалистическом реализме, и никто не сомневается в том, что значительным может быть только то произведение, которое соответствует методу социалистического реализма. Но, к сожалению, в понимании метода существует путаница. Многие упорно подгоняют под этот метод бытовизм во всех его формах. Конечно, они не станут записывать под знаменем социалистического реализма чистейшей воды натурализм, но все же они отвернутся от всего, что не является непосредственным бытописательством, пусть в наиболее его сложных, широких и тонких формах.

Возьмем для примера одну из лучших поэм Маяковского «Сто пятидесят миллионов». Реалистична ли она? Нет. Соответствует ли она методу социалистического реализма? Да.

Несмотря на свою внешнюю фантастичность, она отлично передает дух времени, его мировой размах, его огромные страсти. Внешне в поэме все условно, и для протачка-опровергателя здесь найдется большая работа.

— Как,— скажет он,— в Чикаго 14.000 улич и 700 поездов для поезда на год? Неверно! Город стоит на одном виле, весь электродинамо-механический? Неверно!

И затем он добавит, что Иван не мог шагать по морям и океанам и что неправдоподобно, что рука у него—Нева, а палец—Каспийские степи.

— И так,— заключит он,— поэма не имеет ничего общего с социалистическим реализмом.

Подобные критики забывают, что в иной сказке или былье больше жизненной правды, чем в десятки фактичнейших и документальнейших газетно-журнальных очерков. Поэма Маяковского по своему и с большой силой отражает движение революции, героизм голодной страны, враждебность капиталистического окружения, лихорадку одряхлевшего и переделываемого мира.

Есть в поэме и изъяны, но главное не в них, в этих наивных нападках на классицизм, в преувеличении роли футуристов. Я уверен, сам Маяковский позднее вспоминал об этом с улыбкой. То бушевала и пенялась молодость, которая иногда перекликалась через край. Основное в поэме неотъемлемо от революции, она говорила ее голосом и соответствует методу социалистического реализма, если его не понимать внешне, поверхностно.

Широта, планетарность Маяковского не имеет ничего общего с тем бескрайним и бесконечным космосом «кузнецов», который так быстро обветшал и который в сущности никогда и не жил.

Бедное содержание влекло за собой и бедную форму. Так называемые «кузне-

цы» очень мало походили на подлинных кузнецов. Валье размеры, затасканные ритмы, художественные этикетки. Это скорее был адвокатский словарь, чем кузнечный. Настоящим кузнецом был Маяковский, который действительно прокалял на горне каждое свое слово и каждую свою рифму.

Маяковский лучше всех наших поэтов вслушался в музыку времени, и поэтому живые его стихи, написанные двадцать лет назад. Невелика перемена произведений, прошедших испытание временем. Маяковский это испытание прошел с блеском. Он говорил:

Люди—люди.
Хотя и на сучье.
Прожидать свое пока,
Много всяких
грязных ракушек
нападает
нам
на бока.

Я был свидетелем одного разговора Маяковского с его ближайшим другом. Владимир Владимирович с досадой говорил о легком хлебе и призывал к тому, чтобы платить полной мерой или полным рублем, как он тогда выражался.

В ту пору Маяковский печатал много «эказных» произведений в разных ведомственных журналах и газетах. Разумеется, и в этих напечатанных и устных по своему содержанию вещах Маяковский проявлял свой исключительный талант, но все же он писал их вынужденно, в четверть голоса. Я помню, что Маяковский восклицал: «Довольно!» Он отменял все эказические доводы кое-каких своих эпитетов, пытавшихся оправдать и возвысить любую пошлость поэта, даже явную ошаченность. В тот же вечер он говорил о неузости Лефа.

Лодка поэта вошла в гавань, называемую историей. Время сокровило ракушки. Как никогда, ясно виден замечательный образ поэта. Восторжествовал Маяковский, говоривший во весь голос, тот Маяковский, который написал — «Облако в штанах», «Сто пятидесят миллионов», «Владимир Ленин», восторжествовал Маяковский-трибуна, Маяковский-сатирик.

А потом, пробились бурю разволнованную,
Сядешь, чтобы солнца близ
и ступишь
волорослей
бороду зеленую
и мелку малиновую слез.
Я себя
под Ленинным чисту,
чтобы плыть
в революцию дальше.

III

Роденбах когда-то сравнил поэта с эльфом в лесах. Только после смерти падают леса, и поэт предстает во всем своем величии. Владимир Маяковский не принадлежал к числу непознаваемых при жизни художников. Этого не могло быть хотя бы потому, что он жил в советской стране. И все же, когда прошли годы, мы увидели, как вырос и как растет образ Маяковского. На наших глазах он воплощается в «пароходы», в строчки и в другие долгие дела. И когда я встретился на канале Волга—Москва с Маяковским-пароходом, я обрадовался, как и многие, что он «живой—дымной жизнью труб, канатов и кряков». И поэту-пароходу захотелось задать тот же вопрос, с которым он однажды так же обратился к другу Теодору Нетте, ставшему пароходом:

— Подожди сюда. Тебе не мелко?.

В только что опубликованном дневнике Островского мы находим такую запись, сделанную им в 1949 г. в Костроме.

«Облака», распространенные самым изысканным образом, стоились на заводе, смотреть, как валит солнце, и оно улетело им на прощание часть своего блеску. А диним гуем стало завидно, и они самым правильным строем, вытиснувшись по одиночке углом, с вожаком в голове, потянулись на запад, вот они поровнялись с солнцем, их крылья блестя светом, и они с радостным криком полетели на север. Мы стоим на крутой гребне, под погами у нас Волга, и по ней везд и вперед идут судна на парусах, то бурлаки, и одна оравательная песня преследует нас неотражимо. Вот подхватит расшнур и издадут чуть слышно отравительные звуки; все ближе и ближе несется расвет, и полыхает, наконец, во весь голос, потом мало-по-малу начала стихать, а между тем, уж подхватит другая расшнур и разрастается так же, как первая. И так вот конца этой песни».

Эта превосходная страница, от которой веет волевым простором и весенней бодростью, выключает в ее авторе не просто поэта, увлеченного поэзией весеннего заката, — она открывает в ее авторе народного поэта, запойливший собор всю ширь и даль, Волги, — и вы решите, что тот, кто умеет так вслушиваться в народную песню и так любить ее радостную мощь, тот эту песню непременно включит в свое собственное творчество, тот найдет верные пути к познанию народной жизни.

Так это случилось и с Островским. В тот год, когда он слушал песни бурлаков, стоя над Волгой, он уже был автором комедии «Свои люди, сочтемся». Лишь в 1981 году, и то на сцене частного театра, Островский мог увидеть эту свою комедию и то в искаженном цензурной виде: так страшилась она своей сатирической силой и суровой правдой! Драматургия Островского служила вождю революционной демократии Н. А. Добролюбову крепкой базой для обвинительного акта, составленного им в знаменитой статье на все русское «темное царство».

Если бы Добролюбов дожил до 1870 г., он мог бы написать вторую статью о втором темном царстве, открытом Островским: о разлагающейся дворянской усадьбе Мурзавецких и Гурмыжских, о политической реакции Мамеевых и Крутицких, о либеральном балагане Геродульских, о подлом приспособленчестве и двурушничестве Глумовых. Островский вооружался на этих последних дворянском «темном царстве» таким же острым пером, с каким он нападал на Большовых и Коршуновых.

Островский вел летопись народной жизни, проникнутую глубокой верой в творческие силы народа. Та же рука, которая сурово бичевала самодуров и насильников, с подлинной любовью создавала светлые образы. В большинстве пьес Островского све-

А. Н. Островский, Дневники и письма. Театр Островского. Под редакцией В. Филиппова. Статьи и комментарии Н. П. Башнина и Вл. Филиппова. Academia 1937.

тат большие и малые, но подлинно светлые лучи, обращенные к будущему.

Островский ничем так не дорожил, как своей живой связью с народом, и именно так не искал, как встречи с народным читателем и зрителем. В своих «Заметках о Диккенсе» Островский писал: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине — любовь дает только энергию, чувство, а содержание же дает, — надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение в художественных формах — самое лучшее средство для творческой деятельности».

В самом языке своем Островский был вечным учеником у народа. Островским составлен «Опыт волевого словаря». В его бумагах обнаружены листки с заметками о толковом словаре Даля, список слов с комментариями.

Островский имел полное право писать большому Н. А. Некрасову:

«Как вам умирать, с кем же мне тогда жить в литературе? Ведь мы с вами только двое настоящих народных поэтов, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды, без шаблонного западничества и без детского славянофильства. Славянофильство наделяет себё деревянными мужичком и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты. Они есть не просят».

Островский глубоко сознавал, что тот зритель, который лениво и неохотно ходит в императорские театры, — не его зритель, он мечтал о совсем ином зрители.

«Стены существующих театров узки, — писал Островский в 1882 году. — В них нет места для той публики, для которой хотят писать и обязаны писать народные писатели. Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы».

Островский потратил много сил на попытки создать в Москве народный театр, но все его старания остались тщетными.

Только во времени Октябрьской революции великий драматург нашел своего настоящего зрителя. В последний год жизни Островского (1886) — все его пьесы по всей России выдержали всего 922 представления.

А в своей книжке «Островский в театральном самодеятельности» (Л., 1937) А. Глебов, пользуясь официальными данными, опубликованными накануне Чрезвычайного VIII съезда Советов, называет следующую истинную цифру: пьесы Островского идут ежегодно на наших клубных сценах 1.500.000 раз». (стр. 14).

Эта поистине астрономическая цифра не включает в себя очень большого числа постановок Островского в профессиональных театрах всех типов. Народ признал Островского своим великим драматургом.

1934 год. Удивительная азербайджанская зима, тревожная и переменчивая, как северные апрели. Вчера был мороз; бушевал бело-зеленый Каспий; арал на нефтяных промыслах; арал в море. Зелень занесла Баку колючим снегом, заделала степь, обесценила автомашины, беспомощно кружащиеся на месте, а в горах сметала дутники со скользких троп... Сегодня по Азербайджану бегут весенние ручьи, азербайджанская зима не может выдержать характера.

По скользкой горной тропе над глубоким обрывом идет, балансируя, горец в ватном бешмете и в рыжей шапке. За спиной его сверкает обледенелые пики невысоких вершин.

Вчера, в метель, устал и захромал его конь... «Конь» громко сказано — к чему здесь «Дермонта»? Не конь, а вьюга, не принятая в колхоз за старость и слабильность.

И всадник пошел пешком. Его брови упруго нахмурены; он напевает грозную и боевую старинную песню из легенды о похождениях богатыря Кёр-Олы. Но у него нет ни кинжала, ни ягана; он носит старый потертый портфель, набитый бумагой.

И не знаю фамилии этого маленького, упрямого человека; звали его Гусейн. Вероятно, никто так и не запомнил его фамилию. В конце декабря 1934 года он издалека пришел на призыв ЦК коммунистической партии Азербайджана.

На одном из своих совещаний ЦК КП(б)А постановил: способствовать развитию народного азербайджанского искусства. Учесть разрозненные кадры искусств, помочь им. Среди многих заданий инспектора сельхозкооперативного отдела поехали отдаленным районом вест о будущем расцвете песен, привез песне, привез соловоья-ашугам, любимац деревням.

Горец с портфелем, маленький извозной работник, принеся в ЦК подуратные записки песен и сказаний, список из шуток, которыми утешались жители далеких аулов свои вечера у дымных очагов... Долгие годы, не являясь на награду, записывал этот человек замусоленные карандашом лучше из того, что пели ашуги. Записывал не он один, а почти все крестьянские грамотен. Они перели, что настает день, когда не малая кучка одностельчан столпится вокруг заходящего певца, радясь его искусству, выдыхая, хочода, приотывая ногами, уходящая старого соловоья всем лучшим, что есть в бедной харчевне, отгоревая его с дороги избиранным чаем, обкладывая его подушками и ватным тряпьем, приводя к нему на поклон детей, венчая поэта самым доброй славой, о какой только может мечтать служилец искусства... Они слушали восторг, когда да-нибудь проездом ашуги станут до-стоянием тысячных топц, жаждали поделиться своим маленьким счастьем со всем миром. И в этом был подлинный патриотизм, подлинная любовь к искусству, подлинный жар нестерпяченной души!

Первые живые, не академические и не фальсифицированные записки ашугских песен легли на письменные столы азербайджанского отделения Академии наук. А в ящиках этих столов, под ключом и в запечатанных наглухо закрытых уречеленческих шкафах лежали драгоценнейшие материалы: записки старинных легенд и сказаний, рукописные ноты, исследования фольклористов.

Но в отделение Академии уже сидели, выждав своего часа, враги азербайджанского народа. Враги всего советского народа — мусавистские шпионы, провокаторы, яглые твари, продвинувшие уже однажды свою родину интервентам. Под личиной академиков, под холодно-любознательными масками они скрывали свои подлые хари садистов и убиц, душилелье всего живого.

На столе, от которого идет речь, их очередной «задачей» было признать, придумать национальную азербайджанскую культуру и как бы выключить ее из течения общей советской культуры; их лозунгом было утверждение, что азербайджанской народной культуры, как таковой, нет и никогда не было, что она является якобы малым ответвлением «тюркской» культуры. Этой фальсификации, этой антинаучной подтасовки требовала варварская, бездарная, нитая белыми нитками «философия» пантюркизма.

Тем более ценны исторические записки, так же как и живые, теплые еще записки народных советских песен, сделанные энтузиастами и бесветными поборниками подлинно национального искусства. Вместо подлинных записей и вместо подлинных переводов подстроивников с азербайджанского языка на русский фабриковались холодные, лишенные души и смысла, а по большей части даже грамматически непонятные переводы и записки.

Мусавистские провокаторы пытались доказать, что советское время вообще не дало и не может дать народных поэтических произведений. Поэтому записки либо вовсе уничтожались, либо давались в искаженной виде, из них выхолощивались вся поэзия, вся история и вся красота. Как бы в некоей преступной воробьевской лаборатории, в отделении Академии и Наркомпроса обскоривались и уродовались чудесные соловьи — новые советские песни азербайджанского крестьянства.

Но можно ли запретить весту, когда зима пришла пора умирать? — так пел ашуг Асад о пролетарской революции. И слова его применимы также к истории того отрезка времени, о котором мы говорим.

В дымных аулах, на горных котельях, в подветренных и пыльных степных поселках, на колхозных базарах, в харчевнях и в чайни, в деревенских школах, занесенных горными метелями, у черных очагов, на коврах, комах и паласах, старых и истертых, как салоные подшвы, в наивно украшенных клубках, в помещенных колхозных контор — пели ашуги, бродячие и местные, седые и черноволосые, знаменитые по всем деревням или еще безвестные. Они пели о новой жизни, о славе, о любви, о прошлом и настоящем. Они пели о Ленине и Сталине. Когда весту о смерти Кирова дошла до азербайджанских аулов, Азербайджан грозно и гневно зашел в мести врагам. Я слышала эти песни, похожие на орлиный клекот и на шум водопадов...

И никакие враги не могли зажать рот азербайджанским крестьянским певцам, как когда-то раньше не могли зажать им рот беки, ханы, парские чиновники, муллы. У азербайджанской народной песни история это — история борьбы аль-колюбивых поэтов с помещиками, с беками. Песни-намешения, песни-благословения, песни-«смустьяны» не подавались угнетателям, и народ стоял горой за своих ашугов.

После революции, дорвавшись, наконец, до счастья, до свободы, до права петь полным голосом, ашуги сложили сотни старинных предания на новый лад, воспеши свою освободительную родину и волеи народа. Ленин и Сталин вошли в их песни как легендарные исполнители, герои новых легенд.

Слава советских ашугов перелилась за края аулов. Нефтяные рабочие Баку, студенты техникумов и вузов, приехавшие в столицу из деревень, колхозники, жерпичи, текстильщицы, колхозницы, машинистки, которм так долго старались мусавистскими актам запретить присутствие на весельях собраниях, — весь городской народ требовал к себе в гости народных певцов. Свободные, радостные люди требовали песен. И бакинские эстрады огласились, наконец, певением ашугов.

Большое человеческое тепло, помощь в работе, ответ на многие вопросы современности получили ашуги от партии. Многие открывались перед ними: международное положение, вопросы индустриализации, законы социалистического труда. Установилась связь ашугов с писателями, с композиторами, с учеными. Так наступила весна народного азербайджанского искусства. Враги были бессильны помешать ей, помешать единению ашугов с партией и советской властью, потому что советский народ и партия большевиков связаны неразрывно.

Подлинное искусство — большое счастье для того, кто его творит, и для того, кому его несут в дар.

Счастье азербайджанского советского искусства, как всякое настоящее счастье, добыто в борьбе.

ВИКТОР ФИНК

ФРАНЦИЯ СЕГОДНЯ

Газеты

В мае 1937 года я прочитал в газете «Журналь» интересное сообщение. Ему предшествовали заголовки и ряд подзаголовков, набранных разнообразными жирными шрифтами на несколько колонок.

Заголовок гласил: «Вопрос, давно волнующий весь цивилизованный мир, наконец, получил свое разрешение».

Подзаголовки:

«Представители мировой печати были, наконец, приняты мистером Роджерсом».

«Их, однако, не впустили за ограду замка».

И т. д.

Наконец, начинался и самый текст. Он содержал сообщение о том, что герцог Виндзорский назначил своей женой миссис Симпсон на ближайший вторник.

«Уже с утра в воздухе чувствовалось волнение. Предвиделось, что замечательный древний замок Кюнд полвергнется штурму со стороны представителей мировой печати. Жандармы сменялись на обычных постах вокруг замка; но к центру осаждающих, в отель «Станция Мон» стали прибывать радио- и киноаппараты и мощные автомашины. Штурм начался в 14 часов. Сюстя почта у решетки замка показались мистер Роджерс. Он сменял свой обычный лилак светловидального цвета на бежевый костюм в очень мелкую серую и голубую крапинку. Мгновенно окруженный и припертый к клубе, на которой цветут ледяные незабудки, мистер Роджерс выдал свою тайну».

Тайна заключалась в том, что герцог Виндзорский назначил своей бракосочетанной миссис Симпсон, урожденной Уорфилд, на четверг 3 июня.

Газета описывала, как провел день бывший король Англии, что сказал он во время утренней партии в теннис, и что сказала сегодня своей горничной миссис Симпсон.

Статья посвященная вопросу, даван волнующему весь цивилизованный мир, имела не меньше трехсот строк.

В том же номере газеты, на седьмой полосе было напечатано петитом строк пятьдесят о том, что, по сведениям агентства Гава, группа советских летчиков высиди-

лась на Северном полюсе и осталась там для научных изысканий.

Этот забавный лагонизм в отношении наших летчиков не следует относить исключительно за счет враждебности к нам подполченного «Журналь». Печать во Франции действительно свободна, т. е. издатель действительно может продавать свои столбы оптом и в розницу кому пожелает. Журналисты тоже могут свободно продавать. Все это известно. Известно также, что «Журналь» вместе с живым и мертвым инвентарем свободно пропан и предид итальянскому фашизму. Все это так. Но завоевание полюса газета записывает в степной петит предле всего потому, что это вообще событие. А газета так называемой «большой информации» живет главным образом прошестивыми. Если оставить в стороне несколько реакционных, но не массовых газет, как, например, «Журналь де деба», «Фигаро», «Тан», которые помещают относительно мало объявлений и меньше занимаются смакованием уличных событий, то почти вся остальная печать живет главным образом уголовной, любовной и бытовой образной уродой.

Свадьба бывшего английского короля и его свадбное путешествие были описаны всей прессой республики настолько подробно, что из этих описаний можно было бы составить толстый том.

«Квафер Антонио, вызванный в Венецию из ее светлости гергоине Винадзорской, раскрывает перед нами тайну волевоных покровов своей знаменитой клиентки. Таков заголовок одного интервью, сопровождаемый фотографией человека в белом полухалате и с грешком в руках.

Дальше текст:

«Я еду в Венецию исключительно затем, чтобы дать несколько необходимых указаний относительно причиски моей клиентки парикмахеру Сервиери, специально представленному к ее услугам отечес «Экспресс-сюр» в Венеции, где она сейчас гостит. О ее причиске очень просто! Пробор посередине, сильно открытый лоб, волосы вьются по думу, а на затылке вьются, туго завитый пшеницы. Я прошу в Венеции не больше ничего. Я прошу столько, сколько нужно, двух ледяных мон функций сиянору «Земля» и причисать принцессу Барбару Верони и телу из Италии в Канни, где меня ждут леди Кастель-Роз, леди Кампбал Джонсон и леди Детерлинг».

Особенно страшны вечерние газеты. Они

буквально огулают читателя смакованием убитых, грабежей, любовных драм, самоубийств на почве ревности, описанием свадеб киноактрис и похищений балерины.

«Обмануть своей возлюбленной, он убивает ее первым выстрелом из револьвера и вторым клатет конец своим куклам». Следующее описание на полторыста строк. Рассказывается, как сеговетов и продавщица полюбила друг друга и были счастливы. Оба были молоды. Но для сеговетова молодость — пора надежд. Сеговетов мечтает о будущем, ему греются место бухгалтера и спокойная жизнь. Для продавщицы же молодость — несчастная пора, ибо спокойная жизнь бухгалтерской жены ее не привлекает, будущее ее не интересует, она хочет овладеть телом, сейчас, сию минуту, пока она молода и красива. Поэтому она отдавала сеговетову не все свои свободные часы, она работала также в одном из домов свидания на площади Клиши. Услужливые друзья раскрыли сеговетову глаза на коварство его возлюбленной, и вот произошло то, что не могло не произойти.

Летом 1937 года в Париже появился некий немец Вайдман. Он сиял вилу за паролем и с целью грабежа убил там пять человек. Вайдман стал находкой для вечерних газет. Дело Вайдмана заслонило все. На пятую страницу отошли бои за Тейпуэль, затерялась в пестре война в Китае. Все было забыто этим злым человеком Вайдма. Все было забыто этим злым человеком Вайдма. Все было забыто этим злым человеком Вайдма. Все было забыто этим злым человеком Вайдма.

Странно подумать, какую пропаганду преступности эти газеты несут в массы, — сказала я моему старому университетскому товарищу Ф. ныне адвокату, которого мне посчастливилось разыскать в Париже. Посмотрев на эти фотографии: вокруг виллы, где Вайдман убивал и закапывал свои жертвы, народ стоит густой толпой, люди вскарабкались на фонари, смотрят из лавы, с крыш, с деревьев. И уже начались спекулятивные горячки вокруг виллы: горячий, нет отбоя от предпринимателей, которые хотят откупить ее, чтобы устроить в ней кафе! Вот что делают вечерние газеты.

— И правильно! — признал Ф. — На то они и существуют! Они делают большое дело. К четырем часам дня, когда газеты вы-

ходят, читатель изучает, у него вымотаны нервы, он сто раз сдерживал себя сегодня, чтобы не дать по зубам хозяину или покупателю, или начальнику. У него скверное настроение. Ему необходимо сию же минуту знать, кто главный мерзавец в жизни, кого именно надо ненавидеть. И газета сразу отвечает ему: «Сегодня вы будете ненавидеть Вайдмана, ибо он немец и убил четырех французов и одну нежную американку». Читателю нужно также и любить кого-то, переживать рядом с кем-то возвышенные и ясные радости. Ему нужен пример счастья, чтобы верить, что жизнь не безнадежна. Газета и тут полезна. Она рассказывает о Роберте Тейлоре, американском киноактисе.

Роберт Тейлор побил рекорд женских побед Рудольфа Валентино. Когда Роберт Тейлор уезжал из Нью-Йорка в Европу, его поклонники устроили в порту беспорядки, они доставили хлопоты полиции и врачам, так как в вавы вырвали друг у дружки волосы и выбивали зубы. Отправка парашюта, залезавшего на полчасца. Это громадный успех для молодого парня, ибо при меньшей удаче он в дущем случае мог бы быть проданном в маганье галстуков.

— Вот, смотри, Тейлор приехал в Европу... Целая газетная страница занята фотографиями прибытия Роберта Тейлора. Услышавший народ полиция с трудом успевает проложить ему дорогу к автомобилю. Далее — автомобиль не может тронуться, — он вилтующе окружен народом.

— Заметей, — прибавил мой товарищ, — теперь Тейлор — бог. Это газеты сделали его божееством. Не потому, что он талант — талант не нужен для пьес, в которых он играет. Эти пьесы излучают своим тупоумием, и Тейлор — воплощение тупоумной пошлости. Но газеты и кино делают одно и то же дело. Ты хотел бы, чтобы они напоминали об Испании, о Китае, еще чего доброго о классовой борьбе! Нет, нет и нет. Ты слишком плохого мнения о нашей буржуазии. Она изнурует человека трудом и ошеломляет его ерундой.

Спустя короткое время после этого разговора я очутился в Арле, в Провансе. Там происходила съезд французской коммунистической партии.

Французская коммунистическая партия сейчас на большом полеме. Ее моральное и политическое значение возрастает с каждым днем Съезд в Арле был событием во всей жизни Французской республики.

В Арле я взял однажды в кафе ветреную марсельскую газету «Солей». Своей газетой в Арле нет, там читают марсельские: до Марселя час езды. Итак, я взял газету «Солей». Мне хотелось узнать, что она пишет о конгрессе. Оказалось, газета об этом

ничего не пишет. Ни отчеты, ни критики, ни просто информации, ни вообще прямой или косвенной упоминания о съезде в газете не было. Были описания убийств и грабежей, были спортивные и торговые новости, но о съезде компартии не было ничего. Две большие статьи. Одна была посвящена производству в полковники некоего господина, который командует раскарвированным в Марселе нехотным полком и имел до сих пор чин подполковника. Другая носила «волнующее» заглавие на две колонки: «Золотые рыбки короля Георга VI обожают земляных червей». Эта статья содержала самое подробное описание того, как Роберт Тейлор уезжал из Нью-Йорка в Европу, его поклонники устроили в порту беспорядки, они доставили хлопоты полиции и врачам, так как в вавы вырвали друг у дружки волосы и выбивали зубы. Отправка парашюта, залезавшего на полчасца. Это громадный успех для молодого парня, ибо при меньшей удаче он в дущем случае мог бы быть проданном в маганье галстуков.

— Вот, смотри, Тейлор приехал в Европу... Целая газетная страница занята фотографиями прибытия Роберта Тейлора. Услышавший народ полиция с трудом успевает проложить ему дорогу к автомобилю. Далее — автомобиль не может тронуться, — он вилтующе окружен народом.

— Заметей, — прибавил мой товарищ, — теперь Тейлор — бог. Это газеты сделали его божееством. Не потому, что он талант — талант не нужен для пьес, в которых он играет. Эти пьесы излучают своим тупоумием, и Тейлор — воплощение тупоумной пошлости. Но газеты и кино делают одно и то же дело. Ты хотел бы, чтобы они напоминали об Испании, о Китае, еще чего доброго о классовой борьбе! Нет, нет и нет. Ты слишком плохого мнения о нашей буржуазии. Она изнурует человека трудом и ошеломляет его ерундой.

Спустя короткое время после этого разговора я очутился в Арле, в Провансе. Там происходила съезд французской коммунистической партии.

Французская коммунистическая партия сейчас на большом полеме. Ее моральное и политическое значение возрастает с каждым днем Съезд в Арле был событием во всей жизни Французской республики.

В Арле я взял однажды в кафе ветреную марсельскую газету «Солей». Своей газетой в Арле нет, там читают марсельские: до Марселя час езды. Итак, я взял газету «Солей». Мне хотелось узнать, что она пишет о конгрессе. Оказалось, газета об этом

ничего не пишет. Ни отчеты, ни критики, ни просто информации, ни вообще прямой или косвенной упоминания о съезде в газете не было. Были описания убийств и грабежей, были спортивные и торговые новости, но о съезде компартии не было ничего. Две большие статьи. Одна была посвящена производству в полковники некоего господина, который командует раскарвированным в Марселе не

Театр-Кино-Музыка-Живопись

О ЧУВСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Не все, что ставит наши театры, — необходимо, и многое необходимое они вовсе не ставят.

Все читали опубликованный на днях тематический план производства кинотеатра. Это как бы рисунок или контурный эскиз будущего здания. Нет необходимости разяснять, какая связь между этим тематическим перечнем и реальной политической обстановкой. «Нужно весь народ держать в состоянии мобилизационной готовности», — сказал товарищ Сталин. Миллионы людей понимают значение этих слов. Народ толк в защите отечества.

Наш театр не обнаруживает достаточной чуткости к тому, что грубо именуется «эпохой дня». Не о специальной подготовке репертуара к очередной «кампании» мы говорим. Речь идет о высоком ощущении современности, без которого нет подлинного искусства. Речь о том, чтобы чувствовать, как взволнованы сердца миллионов, понимать, что для народа насущно, а что мало необходимо или вовсе не нужно.

Забодневных пьес почти нет в нашем репертуаре. То, что есть, ставится повсеместно и имеет успех, часто не соответствующий истинным достоинствам произведения.

Нужно ли это иллюстрировать примерами? Вот один, чтобы не оставалось сомнений. Театральное управление Комитета по делам искусств разослало на днях большое письмо о репертуаре. В 71 театре периферии из 91 утреннего «Еврейская ставка», — отмечает управление. А несколько ниже пишет: «Это говорит о большом интересе нашего зрителя к теме этой пьесы и о невинности к этой теме других авторов. Пьеса Шейнина и др. Тур увлекательна, но, к сожалению, поверхностна и в отдельных частях наивна». Что верно, то верно.

Давно опровергнуты живые уверения о том, что художественное производство, как сугубо индивидуальное, не поддается никакому регулированию. Народ, социалистическое государство определяют задания для всех отраслей производственного труда, в том числе и для такой общественно-полезной отрасли, как искусство, в частности — для театра.

Сейчас делаются первые шаги к составлению планов театров. Попробуем сформулировать несколько замечаний.

Нередко мы наблюдаем пренебрежительное равнодушие к пьесам советских авторов. Иногда это даже находит наглядное выражение в цифрах. Если, например, Малый театр планирует для 1939 года девять пьес (вместе с фильмом), то из них только четыре советские (кстати, названа лишь одна советская пьеса, а для трех оставлены «места»). Но где-нибудь в Ярославле поступают еще решительнее: из двенадцати пьес, намечаемых для 1939 года, советских только три. А в Курске — еще лучше, куряне, видите ли, «сплошные французы»: там советских пьес две из четырнадцати. То же самое в Смоленске.

Мы видим в практике наших театров непростительную косность. Возьмите производственную сторону дела: две-три премьеры в год считаются нормой для театра, а пять или шесть — доблестью! Такой менталитет производственный коллектив, как театр им. Бахтангова, готовит в нынешнем году всего четыре пьесы. Малый театр гордится, что выпустит шесть пьес! Напомню, что даже в годы безвременья Малого театра они ставили не меньше девяти-десяти пьес. Например, в сезон 1909—1910 г. было поставлено десять пьес, в том числе такие, как «Женитьба Фигаро», как «Дмитрий Самозванец» и Василия Шуйского», как «Евхария и Клеопатра».

Считается чуть ли не достоинством ставить пьесы долго и выпускать две-три в сезон. Не мало ли это, товарищи, не скучно ли так работать?

В поисках репертуара наши театры не проявляют любознательности и настойчивости. Нередко в нескольких театрах одного города ставят одну и ту же посредственную пьесу. Выбирают «проторенные тропы» — к пьесам, что называется, «верным», к авторам, обязательно уже известным и привычным. МХАТ им. Горького принял пьесу тов. Голыкова, о котором никто еще не

слыхал, — случай исключительный, едва ли не единственный! А вот другое происшествие нынешнего сезона, гораздо более типичное: два столичных театра включают в свои планы пьесу П. Павленко «Шамиль», еще, кажется, и неполное законченную, и каждый из двух театров уверен, что первый заявочный столб вбит именно им!

В кулуарах состоявшегося недавно в Комитете по делам искусств совещания о репертуаре театров произошел любопытный диалог между двумя работниками одного театра.

Куза (вазочарованно): Почему «Шамиль» — в Малом театре? Вы с Павленко условились?

Горюнов (спокойно): Да, вчера... Куза (разочарованно): Значит, они говорили с ним сегодня утром...

Не пора ли выйти, наконец, за пределы магического круга пьес и драматургов, прекратить ажиотаж вокруг одних и тех же названий и имен?

Известен ли случай, когда областной или городской театр поставил пьесу «своего», местного автора? Кажется, нет. Но зато эти театры исправно и не всегда обдуманно подражают столице, берут порой пьесы не по силам, не по творческой необходимости.

В нынешнем году театры Москвы ставят лишь одну, переведенную с языка братского народа, пьесу — «Честь» Мдивани. Кто открывает доступ драматургии народов СССР на русскую сцену? Где украинские, белорусские, армянские пьесы? К двадцатипятию Октября в Минске с успехом прошла премьера пьесы З. Бядули «Соловей» — о борьбе белорусского народа с польскими панями за свою свободу. Странно сказать, но эту пьесу не поставили ни один русский театр. Между прочим, что мы знаем о белорусской драматургии?

Трудно найти такой театр, который ставил бы сейчас «Плоды просвещения» Толстого, «Смерть Паузины» Салтыкова-Щедрина, «Иванов» Чехова. Молтер, Бернаби, Голдони не в чести у наших театров. Шекспир и Гюго не пользуются любовью составителей репертуара. И, наконец, даже пьесы Горького распространены недостаточно широко.

В использовании классического репертуара действует какая-то непонятная цикличность. Несколько лет назад прошла волна Шекспира. Потом она начала спадать. Что же, Шекспир пришел к нашему зрителю? В ходу сейчас лишь два-три названия. Великолепные богатства шекспировского наследия используются с необыкновенной безалаберностью. Пушкинская драматургия после юбилея почти совсем вышла из подполья. Лермонтова хотят ставить в 1941 г., когда будет «крутая дата». Все, оказывается, хотят поставить «Маскарад», но не раньше и не позже юбилейного года! Это как раз та — календарная — актуальность, которая часто подменяет подлинную — художественную и политическую — актуальность в наших театрах.

Советский театр один во всем мире несет знамя идейного, революционного искусства. Значение и успехи его бесспорны. Но нельзя вабить, как слабо еще отражает репертуар театра все величайшее многообразие современной жизни. Тысячу раз надо повторять о том, что советский театр не сделал еще ни одного достойного темы спектакля о социалистической деревне!

Надо вспоминать каждый раз, когда идет разговор о театре, что не создано еще ничего подлинно яркого о жизни партии Ленина—Сталина!

Где пьесы о сегодняшнем рабочем, о стахановце? Не странно ли: написано, кажется, довольно много пьес, поставлено немало спектаклей, а самое главное, основное в жизни едва лишь задето. На подмостках — лишь малые крохи действительности.

И это также свидетельствует о недостаточно развитом чувстве современности. Тот театр и тот драматург, которые хотят, чтобы их искусство было насущным, как хлеб, должны брать главное в действительности, заобидное в высоком смысле этого слова.

«Руслан и Людмила»

Метод дорисовки в кино

Скоро на экранах появится большой звуковой фильм «Руслан и Людмила». Мы увидим дремучие, фантастические леса, скалы и горы, половецкий став под Киевом, гряды князя Владимира, дворец Черномора, поле брани, крепость, живую скачущую голову, полет Черномора и Руслана.

История экранизации пушкинской поэмы Иванова Никитченко. Во время войны с Польшей Никитченко ушел добровольцем на фронт. После службы в Красной Армии он приехал в Москву и начал работать на фабрику Союзкино. В часы досуга молодой рабочий любил рисовать. Несколько раз в журналы появлялись его рисунки. Пригласившись к технике киносъемки, Иван Никитченко применил свои рисунки для фильмов.

Однажды сняли картину из американской жизни. Понадобилось небокрепы. Оператор снял пятнадцатилетнего сына Тестовского послышка в Москве, прикрыл при съемке верх пленки, чтобы не получился крик и небо. Остальные этажи Никитченко дорисовал на бумаге. С помощью второй экспозиции «надстройка» была заснята на ту же пленку. На экране зритель увидел даже в десятке этажей.

В прошлом году бывшему студенту дореволюционной школы поставили задачу в роли самостоятельную постановку. Вместе с В. Неважинским Никитченко снимал большой фильм «Руслан и Людмила».

На пустом дворе киноварни стояли три бутафорских дерева. Два витая «Руслан и Людмила» — в полях лесах были на конях не на живот, а на смерть. Оператор вертел ручку камеры.

Людмила окинулась перед невзрачным бассейном. Не было никакой декорации. Между тем шла съемка сказочной сцены. Что же увидит на экране зритель? Пустой двор? Искусственный бассейн? Нет. Когда на экране показаны снятые кадры, все было очаровано фантастической лесом, в котором билась витязя. А Людмила стояла на крыльце поразительно красивого дворца Черномора, построенного на берегу озера. По нему плавали лебеди.

В ателее, где происходил разговор, третья, вторая и четвертая съемки на один и тот же кадр пленки, мы увидели эти дремучие ле-

МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

Край журчащих горных родников и синих вод Каспия, солнечный Азербайджан! Надо полагать в нем не день и не два, а на протяжении караване обездит безбрежные степи Мугани, пощипать насыщенным нефтью воздухом Аншерона, поспешить в котлован в густых ленкоранских десах, поспешить с наступками по колым тропинкам Нагорного Карабаха, на утлых лодках выехать в море с отражными рыбаками, чтобы понять душу его благодарного народа. Надо выкурить не один десяток трубок с колхозными стариками, послушать их мудрую, неторопливую речь о делах отцов и делов, посягатель, с какой грацией двигаются женщины по полю или винограднику, погостовать неделю на традиционной свадьбе, полюбиться скачкой джигитов и ритмичной пляской девушек. И станет тогда понятным, почему в Азербайджане певца и музыканта сажает на самое почетное место в голове стола, почему надевает народ героев своего эпоса такими человеческими и обаятельными чертами. Рыцарски гостеприимный народ, любящий свободу и ненавидящий рабство, сильный и смелый народ, верный в любви и преданный в дружбе, — мог ли он не передать своего облика отважному воину Кёр-Оглы, эпонимологому баяну-певцу Ашиг-Гарибу?

Персидские шахи, монгольские ханы, арабские и турецкие султаны увозили красавиц-девушек Азербайджана на рынки Хорезма и Исфагана, Стамбула и Багдада вместе с караванами награбленных сокровищ. Могучий крестьянский богатырь Кёр-Оглы обрушивался с гор на их вооруженные отряды, рассекая мечом-клятем железные щиты и шлемы, разбивая палицы пени, возвращая пленникам свободу. А верный его друг Ашиг-Гариб, перекинув через плечо саз, отдаленный перламутром, неугомонно падал по караванным путям и горам, спеша к своей истрадавшейся возлюбленной Шах-Сенем, в родной Азербайджан.

Гений азербайджанского народа рождал Хакани и Низами, Ахундова и Сабера, создавал героические и романтические эпосы «Китаб Дев Коркуда», «Кёр-Оглы», «Шах Исмаила», «Ашиг-Гариба», «Али и Керем», Шейхи и музлы, столетиями проповедующие законы шариата, кутали женщину в черное покрывало и запрещали ей показывать перед мужчиной. И, несмотря на заклинания мулл и суровые запреты аллаха, народ Азербайджана с истинно рыцарским

великодушием учил свою Нигар и Шах-Сенем выбирать возлюбленного по сердцу, встречать любимого с открытым лицом, как подобает свободной женщине.

И вот расправил плечи свободный азербайджанский народ, спали цепи, сковывавшие творческую мысль, зазвенели струны сазов и песни ашугов, открыла женщина Азербайджана лицо навстречу солнцу и жизни. Сказка стала явью.

Композитор Узейр Гаджибеков... Певцы Шехвет Мамедова и Кларик Григорян... Человек с именем соловья, Бюль-Бюль и Гаджибаббеков... Тапшопчица Гамер Алмаз-Заде... Художники Р. Мустафаев, М. Сагян и Г. Халыпов... Режиссеры И. Илизаров и А. Искендеров, дирижер А. Гасанов...

Эти имена у всех на устах в Москве, радио разносит их по всем концам советской земли. Наши искусствоведы внимательно исследуют особенности их творческого дарования, наши рецензенты посвящают им подвальные статьи и заметки. Смыслов и дочери Азербайджана, они выражены и воспитаны большевистской партией, окружены заботой и любовью русского народа, который помог братской стране сбросить прогнившие рабские и нефтяные магнатов и взойти на высоты мировой музыкальной культуры, черная вдохновенно из родного народного творчества.

Стоит ли вспоминать о том, какое несправедливо существование влачил до совет-

Заслуженный артист АЗССР Г. А. Гаджибаббеков.

Оскорбительная критика

Газета «Советское искусство» в № 44 за 6 апреля напечатала статью критика Я. Варшавского, в которой делается разбор исполнения роли (В. И. Ленина артистом И. М. Рапопортом в спектакле «Человек с ружьем» в театре им. Евг. Вахтангова.

Очень хорошо, что «Советское искусство» проявляет внимание к такому вопросу, как дублерство в спектакле; еще более важно, что газета в данном случае берет под наблюдение исполнителя роли В. И. Ленина, но когда читается эта статья и видишь, как это делается, тебя охватывает чувство возмущения и протеста.

О чем идет речь? Народный артист СССР Б. В. Шуклин заболел. Надо знать, как работал последний время этот человек. Работа в кино на съемках картины «Ленин в Октябре» у него брала большую половину суток, а дни отдыха он отлаивал репетициям в театре. Надо представить себе состояние человека в этой работе, сознание ответственности, трепет перед величием образа... Я, свидетель этой потрясающей работы, никогда не забуду тех закрытых репетиций, когда был на сцене Б. В. Шуклин. У меня осталось прекрасное чувство чистоты и глубокое ощущение от этих репетиций. Привычка нам театральная жизнь смеялась, возникали новые, трепетные ощущения, когда многие вещи, обычные и понятные в будничном обиходе, становились лишними, неуместными.

Эта атмосфера перешла в спектакль и сохранилась в нем. И вот И. М. Рапопорт театр предлагает заменить Б. В. Шуклина, так как представления «Человек с ружьем» остановились.

Надо все-таки дать себе труд хоть немного подумать, что это означает. Советский театр делает первые попытки в поисках образа В. И. Ленина. В наших пьесах еще нет образа. Это робкие шаги Театр и кинематограф в сущности дали эскизы будущих работ. Один из блестящих талантов нашего времени Алексей Толстой в своей повести «Хлеб» также пошел дальше этих эскизов, как они ни верны и художественны сами по себе. Это имеет свои творческие законы и так понятно каждому, кто хоть немного разбирается в вопросах искусства.

Автор наш «подходящий случай» поставить «проблему дублерства» в связи с исполнением роли В. И. Ленина. Нужно совершенно не понимать дела и с глубокой безалаберностью относиться к нашему советскому театру с его современным творчеством, чтобы жонглировать такими несомненными вещами, какими жонглирует критик. Здесь достаточно пример, как М. М. Тарханов дублирует И. М. Москвина в пьесе «На дне». Лука и — Ленин. Нужно ли доказывать, какой это неподходящий пример, как неуместно ориентировать наш театр на «поиски» чрезмерно воляных и самолюбных трактовок?

Если бы критик всерьез хотел поставить «проблему дублерства», то для такой цели он мог бы найти совершенно развалившиеся спектакли, удивительно безаппетитность в обращении со зрителем, даже халтуру. Тов. Варшавский должен лучше нас знать такие спектакли, но он находит удобный и показательный опыт — и бить неважно — по актеру, исполняющему роль В. И. Ленина. Зачем это нужно?

Посмотрите, как партия и правительство отмечают работу наших артистов, — сколько любви и внимания проявляется к их успехам. Почитайте статью критика Я. Варшавского, — сколько барского пренебрежения, высокомерного апломба и, главное, равнодушия он вкладывает в свое писанье!

«...Вот почему мы вынуждены сравнить игру Шуклина и Рапопорта, и нет ничего удивительного, что это сравнение будет не в пользу Рапопорта».

Почему надо построить фразу обязательно оскорбительно, ударить по человеческому самолюбию, унижить актера?

Я. Варшавский пишет:

«Сравнение далеко не всегда удачный прием в искусстве и пользоваться им следует в случае крайней нужды». Он обосновывает эту «крайнюю нужду» очень просто — все дело в том, что И. М. Рапопорт копирует Б. В. Шуклина и копирует неудачно, по авторитетному мнению критика. Отсюда «проблема дублерства» в театре и Лука, которого М. М. Тарханов играет

ЭЛЬ-РЕГИСТАН ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ!

Сцена из 1-го действия оперы «Шах-Сенем». Фото Э. Евсерикина (Союзфото).

Великодушным учил свою Нигар и Шах-Сенем выбирать возлюбленного по сердцу, встречать любимого с открытым лицом, как подобает свободной женщине.

И вот расправил плечи свободный азербайджанский народ, спали цепи, сковывавшие творческую мысль, зазвенели струны сазов и песни ашугов, открыла женщина Азербайджана лицо навстречу солнцу и жизни. Сказка стала явью.

Композитор Узейр Гаджибеков... Певцы Шехвет Мамедова и Кларик Григорян... Человек с именем соловья, Бюль-Бюль и Гаджибаббеков... Тапшопчица Гамер Алмаз-Заде... Художники Р. Мустафаев, М. Сагян и Г. Халыпов... Режиссеры И. Илизаров и А. Искендеров, дирижер А. Гасанов...

Эти имена у всех на устах в Москве, радио разносит их по всем концам советской земли. Наши искусствоведы внимательно исследуют особенности их творческого дарования, наши рецензенты посвящают им подвальные статьи и заметки. Смыслов и дочери Азербайджана, они выражены и воспитаны большевистской партией, окружены заботой и любовью русского народа, который помог братской стране сбросить прогнившие рабские и нефтяные магнатов и взойти на высоты мировой музыкальной культуры, черная вдохновенно из родного народного творчества.

Стоит ли вспоминать о том, какое несправедливо существование влачил до совет-

ской власти талантливый композитор, каким издевательствам подвергалась певичка, народная артистка, как ходил по дворам с бродячим музыкантом певец? Нужно ли рассуждать о том пути, какой прошла национальная народная мелодия и мугам до своего чудесного превращения в гармоничную симфонию азербайджанской оперы с ее оркестровкой, ариями, дуэтами, ансамблями и речитативами?

«Кёр-Оглы» и «Шах-Сенем» с первого взмаха дирижерской палочки охватывают своей музыкальностью искусственного московского зрителя, знакомого с классическими произведениями оперного искусства русских и западных мастеров. Скачотное по величии и филигранности декоративное оформление, потоки света, гаммы красок, мягкие тона костюмов, подобранные с изысканным вкусом, чаруют зрителя с первой минуты.

Трудно решить, кому отдать пальму первенства — художнику ли Р. Мустафаеву, воспроизведшему на сцене грозную и митяжную крепость Ченли-бей и роскошь дворца владетельного Гасан-хана, или же художнику М. Сагяну, создавшему красочный караван-сарай на фоне древнего восточного города и ажур скачотной беседки Шах-Сенем в саду Бахрам-бека.

Творческое соревнование художников продолжается между собой режиссеры-постановщики «Кёр-Оглы» и «Шах-Сенем» И. Илизаров и А. Искендеров. Оба они достигают в массовых сценах подлинного мастерства, искусно переплетая сказочные и реалистич-

ные, чем И. М. Москвина. Если уж говорить серьезно, то все это не больше чем хвост для данного спектакля — хвост с претензиями. С такими вещами не спорит. Возмущает бесцеремонность, с какой Я. Варшавский расправляется с актером.

Неужели Варшавский не понимает всех особенностей этой роли, всех ее трудностей, попыток, исканий? Я. Варшавский так ведет речь, будто есть готовый оценочный образ, давно сыгранный и общезвестный, а И. М. Рапопорт нехватает «уверенной актерской силы, умения подчинить себе текст и общий ход сценического действия»... Дублер в плохом смысле слова, давший повод «крайней нужды» автору статьи пойти на рискованный метод сравнения, и настолько «показательный», что в связи с его исполнением ставится вопрос о дублерстве вообще, — вот что такое И. М. Рапопорт. Не слишком ли много для одного человека сразу?

А дело, как оно есть, в действительности обстоит так: И. М. Рапопорт принял вадание театра и, как советский актер, взялся за выполнение невероятно трудной задачи. Речь шла о замене нервного исполнителя роли. Надо сказать, что не многие верили, что можно будет найти актера для такой замены. Но И. М. Рапопорт справился с задачей блестяще. Можно сколько угодно накрутить домыслов, но неопровержимым остается факт, что советский театр получил еще одного актера, способного играть образ В. И. Ленина.

Мы не станем входить в споры с критиком Я. Варшавским, ибо считаем, что И. М. Рапопорт в реабилитации не нуждается. Вся схема «крайней нужды» в сравнениях нам представляется неуместной, порочной и тенденциозной. Критик либо вовсе не умеет видеть, либо не желает видеть всего, что сделал И. М. Рапопорт в этой необыкновенной и беспримерной, по ее новизне, смелости и ответственности, работе.

Тов. Я. Варшавский сравнительно недавно работает как критик, и весьма грустно, что он усваивает самые плохие методы и стиль критической профессии. Очень плохо, когда критическая работа делается неодуманно, без глубокого изучения предмета.

ческие элементы и любовно отделывая каждую деталь. Рабы-крестьяне ташат на спине тяжелый жернов и каменные плиты, работая во владениях грозного Гасан-хана во времена далекой феодальной эпохи так же, как они трудились еще 20 лет назад на помещичьих землях помещиков-баронов. Войны — повстанцы отрядов Кёр-Оглы, хоть они и вооружены палицами, пращами и трезубцами, многим напоминают восточных крестьян, уничтожавших ненавистные бесские гнезда в 1918 году, и партизан, громивших контрреволюционные банды мусавьятов.

Девушки готовят прилавок Шах-Сенем — они расширяют шелковые платки знаменитыми узорами азербайджанских мастериц. Сваха несет зеркало, ее спутницы — традиционные покрывала. Стоит только весть их принять — и все конечно, надо выходить замуж, по народному обычаю, который жив и сейчас в деревнях Азербайджана. Чарующие девушки исполняют в сказке ту самую заузнару, которой учится с детства каждый, кто рожден на азербайджанской земле.

Замирают скрипки, бронзовый рокот тара наполняет зал, призывая ашуга к песне. Невиданный в европейском оркестре народный инструмент властно заявляет свои права занимать место рядом с нежной скрипкой и тонкой виолончелью. Неприлично ухо московских театралов с удивлением вслушивается в рокот струн, которые соединяют в себе мелодичный звон гитары и мажорный со звучанием банджо.

Классические восточные мелодии и народные напевы выливаются одна в другую, рождая оригинальную музыку советской азербайджанской оперы, с ее лейтмотивами народного гнева и возмущения, любовной лирики, печали и радости. И музыка эта достигает уровня лучших русских и западных образцов.

Десятки публики не понимают языка — поэтическая прелесть стиха, словесный смысл любовных арий, мудрость заветов состоявшихся ашугов, казалось бы, должны ускользнуть от понимания русского зрителя. Но зритель, слушая музыку Гаджибекова и Глиера, пение Шехвет Мамедовой, Григорян, Бюль-Бюль и Гаджибаббекова, сердцем и разумом — вместе с Нигар и Шах-Сенем, он любит Кёр-Оглы и Ашиг-Гариба, прокивает горести и тьму, приветствует счастье и солнечную жизнь.

Народная артистка АЗССР Шехвет Мамедова.

ГРУЗИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР НА ЭКРАНЕ

Госкинопром Грузии предполагает в 1939/40 г. поставить фильм «Амиран», основанный на грузинском фольклоре. Авторы сценария — И. Машавели и К. Макаберидзе.

Сюжет фильма — реалистический. Амиран — пастух, крестьянин. Он объединяет бедноту на борьбу с угнетателями, поднимает народ на восстание.

ВЫСТАВКИ

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина направил в Среднюю Азию выставку-передвижку «Западная живопись».

В Калининском охотничьем хозяйстве выставка «Советское изобразительное искусство». Здесь представлены работы художников Герасимова, Кукрыникова, ряд скульптурных работ.

В апреле в воронежском Музее изобразительных искусств открывается выставка картин «Мастера сатиры», состоящая из 200 экспонатов. На ней будут представлены произведения художников Ефимова, Дени, Кукрыникова, Долгорукова, Рогова, Гудакова и других.

НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ

В Харьковском оперном театре недавно состоялась премьера оперы И. Держинского «Поднятая целина».

Постановка — заслуженного артиста республики И. Липицкого, дирижер — Н. Покровский, художник — Г. Кигель.

Государственный драматический театр в Сталинпоказал у себя впервые пьесу А. М. Горького «Мещане». Режиссер — Лазаренко, художник — Москвиченко.

В Чувашском академическом театре режиссер Г. В. Странский поставил «Ревизор» Н. В. Гоголя.

В Бресте, в Государственном драматическом театре им. Сулейманова, с большим успехом прошла премьера трагедии Шиллера «Коварство и любовь» на армянском языке.

